

Некоторые вопросы польско-венгерской контрастивной семантики

ЯНУШ БАНЧЕРОВСКИЙ

BAŃCZEROWSKI Janusz, ELTE Lengyel Tanszék, Budapest, Múzeum krt 4/D, H-1088

E-mail: bjanusz@ludens.elte.hu

Abstract: In the present paper the author gives a brief survey of the main problems of the contrastive semantics, emphasizing the significance of the cognitive approach in this field. The article deals with similarities and differences between two languages on the level of meaning. The following questions are discussed: socio-cultural idiomatics, modes of lexicalization, the lack of equivalents, categorization and conceptualization of the meaning, meta-linguistic structures as a means of the expression of the axiological information in Polish and Hungarian.

Keywords: contrastive semantics, lexicalization, socio-cultural idiomatics, linguistic image of the name *skin* (*skóra–bőr*) in Polish and Hungarian

Естественные языки различаются не только в плане выражения (напр. фоническая система, грамматические категории или языковые реляции), но также и в плане содержания (напр. разные способы категоризации языковой лексики). Это испытывают уже на протяжении многих столетий не только учащиеся иностранным языкам или переводчики иностранных текстов, но также и авторы дву- и многоязычных словарей, деятельность которых состоит в том, чтобы постоянно сравнивать грамматические и семантические структуры. На основе таких сравнений можно сделать сегодня довольно тривиальный вывод, что словарные составы естественных языков не одинаковым образом интерпретируют и регистрируют объективную действительность. Полностью адекватный перевод с одного языка на другой невозможен между прочим не только из-за разницы в области значения слов и семантических отношений, но также из-за разницы в области характерной для данных языков концептуализации и категоризации внеязыковых информации, а также и специфической для них аксиологической системы. Это значит, что естественные языки отличаются друг от друга специфическими для них языковыми картинами мира. Естественно, это положение не подтверждает тезиса о том, что перцепционные и познавательные системы людей, пользующихся разными языками, различны. Естественные языки как интегральные компоненты культурных систем обладают значительной автономией по отношению к познавательным структурам человека.

Язык накапливает и фиксирует общественный опыт, который следует из многообразных отношений, осуществляемых между человеком и объективной действительностью. Кроме того, в языке, в результате

т. н. творческого мышления, т. е. логической классификации, которая относительно независима от действительности, на высших уровнях абстракции могут возникать объекты (конструкты), которые не располагают репрезентацией во внеязыковой действительности или, которые создают типы фиктивного бытия как Пегас, карлик, кентавр и т. д. Таким образом возникает ментальная информационная карта человека, его внутреннее информационное хранилище, т. е. его внутренняя картина мира, которая составляет интегральную часть языка потому, что она закодирована, зафиксирована в нем в форме иерархически упорядоченной нелинейной информационной структуры.

Лексика данного языка выражает эмоциональное и интеллектуальное отношение человека к соответствующим фрагментам действительности и фиксирует характерное для данного языка и культуры мировоззрение. Значение слова никогда не отражает изоморфным образом все свойства данного объекта, к которому оно относится. Трансформация объективной действительности, понимаемая как её культурная и языковая интерпретация, зависит не только от внутренних, психических и культурных факторов, но также и от объективных факторов. Интерпретационное разнообразие объективной действительности, вытекающее из культурных особенностей, является причиной того, что языки отличаются друг от друга в семантической плоскости. Разницы между языками отражают их особенности в области сигнификации, категоризации и концептуализации. Сравнение двух языков является одновременно сравнением двух культур. Результатом непосредственной связи языка с разными сферами жизни данного культурного сообщества является национальный колорит, иначе лингвореалии. Относительная неперебиваемость лингвореалий возникает из-за отсутствия словарных эквивалентов, но она связана также и с характерной для данного языка коннотационной системой. Близость культур может проявляться в области языковой категоризации мира, в двух языках могут выступать слова со сходной денотацией или коннотацией, но это сходство может оказаться мнимым.

Неперебиваемость языковых текстов может возникать также из того, что вторичный получатель не понял или неправильно интерпретировал разного рода метафоры, метаинформационные структуры, символику и т. д., которые иногда могут относиться к типически местным или индивидуальным делам. Определение семантического содержания таких структур требует тщательного знания культурной специфики.

Для контрастивной семантики большое значение может иметь теория значения, базирующаяся на компонентном анализе, где значение понимается как делимая категория, которая состоит из простых элементов, т. н. семантических признаков или семов. Эта теория тесно связана с т. н. философским языком, с помощью которого в XVII в. Декарт,

Локке и Лейбниц пытались описать естественный язык, исходя из достаточно малого множества простых слов, а также с т. н. грамматикой содержания, центральное место в которой занимает понятие семантического поля. Согласно Триру (Trier), данное слово получает свое действительное значение только в реляции к целому полю. Похожую концепцию развивал тоже Альфред Кожибский (A. Korzybski) в США. Стоит отметить, что на концепцию компонентной семантики большое влияние оказал тоже Л. Ельмслев.

Кроме компонентной семантики, выработке теоретических и методологических основ контрастивной семантики в значительной степени может способствовать развивающаяся в рамках когнитивного языкознания когнитивная семантика. Согласно этому направлению, язык является субъектной, субъективной интерпретацией мира, а не его подлинным отражением. Итак, языковая картина мира является результатом человеческого познания и языковой формализации. Способ концептуализации мира мы можем определить только на основе языка. Согласно когнитивной семантике, каждый язык по-разному категоризирует мир. Эти категоризации никогда не могут быть одинаковы потому, что в них проявляются разные мировоззрения.

Итак, перевод с одного языка на другой заключается не только в замене соответствующих слов, речь идет здесь о сравнении двух разных языковых картин мира. Языковые знаки в этой концепции относятся к объектам ментальной действительности, так как они зафиксированы в языке в соответствии с убеждениями человека, которые сложились на основе опыта. Из этого следует, что контрастивный анализ должен учитывать всю специфику языковых структур, имея в виду национально-культурный аспект семантической плоскости, который выражает характерное для данного народа, его цивилизации и языка общественно-культурное знание. На плоскость лексического значения накладывается экспрессивное, моральное, эстетическое, идеологическое, прагматическое, историко-культурно-языковое содержание, т. е. национально-культурный компонент. Речь идет здесь о такой лексике, которая обозначает явления, связанные с культурными образцами, обычаями, ментальностью, традициями, фольклором, системой ценностей, структурой общественной и политической жизни данного культурного сообщества. Сюда относится т. н. социо-культурная идиоматика, например фразеологизмы, пословицы, афоризмы, девизы, максимы и т. д. К лексике этого типа будем относить тоже собственные имена, которые отражают историю и культуру данного народа, а также обозначаемую ими неповторимость денотата. Они содержат такую информацию, которая вызывает в носителях данного языка определенные ассоциации, связанные с историей данного культурного сообщества, например польские: *Biskupin, Gniezno, Grunwald, Westerplatte, Wieliczka, Częstochowa, Dąbrowski, Kościuszko, Piłsudski* и т. д. или венгерские: *Arad, Erdély,*

Újvidék, Csepel, Bem, Zrínyi, Horthy, Széchenyi, Kossuth, Rákosi, Kádár и другие.

С точки зрения контрастивной семантики очень важны исследования, которые направлены на изучение способов лексикализации значения и определение безэквивалентной лексики. Лексикализация (вербализация) значения естественных языков осуществляется по разным способам. В одних языках вербализация может быть монологической, в других может принимать описательную форму. Это явление хорошо иллюстрируют примеры из венгерского и польского языков, например: *csónakázni* → *pływać łódką (łodzią, czólnem)*; *biciklizni* → *jeździć na rowerze*; *pecázni* → *łowić ryby na wędkę*; *csuklani* → *mieć czkawkę*; *lovagolni* → *jeździć (jechać) na koniu*; *feltét* → *dodatek* (np. w postaci mięsa) *do dań przyrządzonych z jarzyn (z zasmażką)*; *kávézni* → *pić kawę*; *teázni* → *pić herbatę*; *nőzni* → *uganiać się za kobietami (chodzić na kobiety)*; *vizsgázni* → *składać (zdawać) egzamin*; *koslatni* → *uganiać się za samicą (latać, ganiać, uganiać się za kobietami)*; *csempézni* → *wykładać kafłami (kafelkami)*; *bunkózni* → *okładać, bić kijem*; *lomtalanítani* → *pozbyć się niepotrzebnych rzeczy*, *rupieci*; *kutyázni* → *bawić się psem*; *reggelizni* → *(z)jeść śniadanie*; *szemezni* → *wlepiąć gały (oczy) w kogoś, chcąc go (ją) podniecić seksualnie*; *zongorázni* → *grać na fortepianie*; *kártyázni* → *grać w karty*; *pipázni* → *palić fajkę* и другие.

На уровне семантической плоскости обоих языков мы встречаемся с отсутствием лексических эквивалентов. Итак, например такие венгерские слова как: *tanya, csúsztatás, lemárinénizni, megvezetni, beetetni, fakutyázni, főzelék, gulyás, rétes, tarhonya, iránytaxi, ballagás, szalagavató, lángos, halászlé, csárdás, pásztoróra, puszta, pogácsa, pálinka, palotás, busójárás, ökörsütés, szalonnasütés, rakott krumpli, bundáskenyér, honfoglalás, fröccs* и др. не имеют эквивалентов в польском языке и наоборот, у таких польских слов как: *bigos, bar mleczny, miód pitny, barszcz, kapuśniak, krupnik, żurek, pierogi, sękacz (ciasto), polka, polonez, mazurek, kulig, kierpce, oszczypek, góral, sobótka, andrzejki, lajkonik, studniówka, rogatywka* и др. нет эквивалентов в венгерском языке.

Семантические контрастивные исследования осложняет отсутствие общеприемлемых определений, касающихся основных понятий семантики, таких, например, как понятие значения, его концептуализация, способы экспликации, статус семантических признаков и т. д. Неоднозначно также понятие слова и других языковых единиц. Кроме того, мы не располагаем описанием зафиксированной в разных языках языковой картины мира, так как в этой области не ведутся систематические исследования. Это замечание касается также польского и венгерского языков. Не решенным остается и статус аналитических единиц и многозначных лексем. Образование аналитических единиц мы можем рассматривать как одну из возможностей словообразовательной системы данного языка. Например, в польском языке, рядом со словом *brat* (= брат), существуют аналитические единицы *starszy brat* и *młodszy brat*,

которым в венгерском языке соответствует *báty* и *öccs* рядом с *fivér* (= *báty* или *öccs*). Зато, в случае названий *siostra* (= сестра), *starsza siostra*, *młodsza siostra* только два последних имеют монологические эквиваленты в венгерском языке: *nővér* и *húg*.

Рядом со словом *asztal* (= стол) в венгерском языке существует тоже словосочетание *íróasztal* (= письменный стол), зато в польском языке — две гетерофонические лексемы: *stół* и *biurko*. В венгерском языке нет морфологической связи между *báty* и *öccs*, а также между *nővér* и *húg*, зато их польские эквиваленты как словосочетания содержат лексемы *brat* и *siostra*. Польские лексемы *stół* и *biurko* не похожи друг на друга ни фонически, ни этимологически. Поляки не будут отождествлять слово *biurko* с видом стола (*styl*), зато для венгров такая ассоциация является более очевидной. Так как слово *íróasztal* входит в состав множества *asztal* стоило бы подумать о том, какой состав семантических признаков будет свойствен прототипу *asztal*. Языковая картина этого понятия в польском и венгерском языках не тождественна. Об этом свидетельствуют такие венгерские выражения как: *nem az ő asztala; hogy kerül a csizma az asztalra; ráborítja az asztalt; megbeszélni a dolgokat fehér asztalnál; az asztal alá itta az egész társaságot; asztal után zene volt és tánc; a jó asztal az örökös kapocs a férj és a feleség között; letesz vmít a Ház asztalára; Úr asztala; múltó asztal; Ha majd a jognak asztalánál Mind egyaránt foglal helyet... Akkor mondhatjuk, hogy megálljunk Mert itt van már a Kánaán (Sándor Petőfi)* и польские: *teren, droga równe, gładkie jak stół; uderz w stół, a nożyce się odezwą; żywić się okruchami z czyjegoś stołu; okruchy, ochłapy spadły z czyjegoś stołu; wyłożyć, wyliczyć itp. pieniądze na stół; nóżki (nogi) na stół; kłaść, rzucać karty na stół; pod stół co (rzucić); jakaś sprawa przychodzi, wychodzi na stół; stół otwarty; zdrowy stół, świeże powietrze i ruch; dobra stołowe; po skończonym stole zaprosił nas do ogrodu; stoły uginają się, gną się od czegoś; rozkosze, uciechy stołu; stół pokrętny frezarki; szczyt stołu* и др.

Другим примером разницы в области концептуализации и категоризации значения является венгерское слово *tudni*, которому в польском языке соответствуют следующие лексемы: *móc, umieć, znać, wiedzieć, potrafić*. Итак, мы можем сказать, что слово *tudni* является гиперонимом по отношению к *móc, umieć, znać, wiedzieć, potrafić*, так как оно представляет собой более абстрактную категорию. Польские *móc, umieć, znać, wiedzieć, potrafić* образуют его гипонимы, т. е. объекты более низкого уровня абстракции. Похожим образом, венгерской лексеме *elnök* (= председатель) в польском языке соответствует семь лексем: *przewodniczący, prezes, premier, prezydent, kierownik, marszałek (Sejmu)* (в случае польского парламента), *naczelnik*, а лексеме *nap* — три: *słońce, doba, dzień*. Венгерская лексема *fő* (= главный), входящая в состав многих словосочетаний, покрывает семантическое поле, сигнализированное через: *główny, naczelny, nad-, arcy-, wysoki, wielki, starszy, generalny, wyższy, samodzielny, zwierzchni, najwyższy, centralny, podstawowy, zasadniczy, czołowy*,

honorowy и др. (напр. *főember* = *główna osoba*, *főherceg* = *арцыksiąże*, *főispán* = *nadżupan*, *főisten* = *główny bóg*, *főlovászmester* = *wielki koniuszy*, *főpap* (*pogány*) = *арцыkapłan*, *fővezér* = *naczelny wódz*, *főellenőr* = *starszy kontroler*, *főelőadó* = *starszy referent*, *főintéző* (*birtokon*) = *główny zarządca*, *főkonzul* = *konsul generalny*, *főnővér* = *starsza siostra*, *főszerkesztő* = *redaktor naczelny*, *főtisztviselő* = *wyższy urzędnik*, *főtitkár* = *sekretarz generalny*, *főügyész* = *prokurator generalny*, *tudományos főmunkatárs* = *samodzielny pracownik nauki*, *főpolgármester* = *nadburmistrz*, *főhatalom* = *władza zwierzchnia*, *főiskola* = *szkola wyższa*, *főpályaudvar* = *dworzec centralny (główny)*, *főtermény* = *podstawowy produkt rolny*, *főcím* = *tytuł*, *főidény* = *główny sezon, pełnia sezonu*, *főbüntetés* = *kara zasadnicza (główna)*, *főhely* = *miejsce honorowe (główne)*, *főméltóság* = *wysoka godność (wysokie dostojeństwo)*, *főbejárat* = *wejście frontowe (główne)* и т. д.).

Для контрастивной семантики очень важно описание многозначных лексем, которые отражают внутреннюю организацию семантических категорий. Семантический анализ не может ограничиваться только фрагментарным сравнением избранных значений многозначных лексем, не учитывая полной специфики иерархически упорядоченной «внутренней таксономии» данного понятия. Без этого мы не сможем определить сходство и различие на семантическом уровне. Мы постараемся доказать это на примере венгерской лексемы *bőr* (= *кожа*) и польской *skóra*.

«Внутренняя таксономия» этих понятий, несмотря на многие сходства, далеко не одинакова. Оба слова обозначают внешний покров тела животных, продукт, сделанный из кожи, который используется для изготовления разных предметов (напр. венг. *bőrcipő*, *könyvet bőrbe kötni*, *bőrtáska*, *bőrkabát* и т. д.; польск. *obuwie skórzane (ze skóry)*, *oprawa książki w skórę*, *torebka ze skóry*, *kurtka skórzana (ze skóry)* и т. д.), выделанную кожу пушных зверей (напр. венг. *vaddisznóbőr a kandalló előtt*; польск. *skóra z dzika pod kominkiem*), а также искусственный материал, имитирующий естественную кожу (напр. венг. *műbőr*, *bőrutánczat*; польск. *skóra sztuczna, imitacja skóry*).

Эти два понятия (*bőr–skóra*) довольно значительно отличаются по отношению к миру растений. Польский язык употребляет слово *skóra* (*skórka*) в смысле названия внешней оболочки фруктов (напр. *skóra (skórka) z banana*, *pomarańczy*, *cytryny*, *jabłko ze skórą* и т. д.), зато в венгерском языке в этом случае, в отличие от польского, употребляется слово *héj* (вместо *bőr*) (напр. *banánhéj*, *narancshéj*, *citromhéj*, *almahéj* и т. д.). В свою очередь польским эквивалентом венгерского слова *héj* является слово *skorup(k)a* (= *скорлупа*) (напр. *skorup(k)a z orzechów* (= *dióhéj*), *skorup(k)a z jajka* (= *tojáshéj*) и слово *łupina* (= *шелуха*) (напр. *łupina z ziemniaka* (= *krumplihéj*)). Венгерское слово *bőr* обозначает тоже тонкую кожу молодых деревьев (напр. *az ág bőre*, *a fiatal hajtás bőre*, *lehantotta a fűzfá bőré*, *lehúzza a fa bőré* и т. д.), застывший слой, возникший на по-

верхности жидких или кашицеобразных пищевых продуктов в результате их остывания или порчи (напр. *a főzelék, a leves, a tej, a kávé, az enyv, a penészedő befőtt bőre* и т. д.). Польский язык в этом случае употребляет слово *kożuch* (*kożuszek*) (= венг. *bunda*) (напр. *kożuch na mleku, kawa z kożuszkiet, kożuch pleśni na konfiturach* и т. д.). Стоит отметить, что в венгерском языке слово *bunda* выступает в словосочетании *bundás kenyér* для обозначения краюшек хлеба, которые макают в яйцо и жарят в животном или растительном масле, а также в названии *bundás alma, alma bundában* (= яблоко в тесте).

Польское название *skóra* (*skórka*) относится также к продуктам питания (напр. *skórka z chleba, skórka na serze* и т. д.). Их венгерские эквиваленты: *kenyérhéj, sajthéj*.

Венгерское слово *bőr*, кроме выше упомянутых, имеет еще другие значения: (1) может относиться к красивой девушке (женщине), которая своей красотой способна обратить на себя внимание мужчин; (2) футбольный мяч (напр. *rúgja a bőrt, lövése nyomán a bőr a kapu sarkában táncolt*); (3) (в уменьшительной форме *bőrke*) обозначает внешнюю оболочку одноклеточных; (4) стенку растительных клеток; (5) стену угля в шахте, оставленную в своде с целью обеспечения безопасности.

Стоит отметить, что в венгерском языке слово *bőr* 'кожа' является составной частью многих словосочетаний, польские эквиваленты которых не располагают референцией, связанной с кожей (напр. *bőregér* = *bőr* + *egér* 'мышь' = польск. *nietoperz* 'летучая мышь'; *bőralma* = *bőr* + *alma* 'яблоко' = польск. *szara reneta* 'ранет'; *bőrfüge* = *bőr* + *füge* 'фига' = польск. *porzeczeki* 'смородина'; *bőrijég* = *bőr* + *jég* 'лед' = польск. *cienki lód* 'тонкий лед' и т. д.). Кроме того, в венгерском языке существуют два глагола, образованные от существительного *bőr*: *bőrözni* 'обтягивать кожей' и *bőrösödni* (*bőrödni*) 'застывший слой, плёнка, пенка (на поверхности варенья, молока)'.

Bőr и *skóra* во фразеологических сочетаниях обоих языков и пословицах принимают добавочные значения, напр.:

(1) могут символизировать бедного, больного, исхудавшего человека (напр.: *skóra i kości, kości i szkielet powleczone skórą* (венг. *csupa csont és bőr valaki, csak a csont és bőre van, csontjához szárad a bőre* (буквально: кожа присохла к костям), *nincs jó bőrben* (буквально: кто-то находится в нехорошей коже = кто-то нездоров), *rossz bőrben van* (буквально: кто-то находится в плохой коже = кто-то болеет), *olyan sovány, mint a bőregér* (буквально: кто-то очень худой, тощий, как летучая мышь) и т. д.;

(2) обозначая в метафорическом смысле закрытый покров, в который можно войти, внутри которого можно находиться, из которого можно выйти, который можно менять и т. д., указывают на разные способы поведения человека, на его обычаи, чувства и черты характера, напр.: *być w czyjejs skórze; czuć się w czyjejs skórze; czuć się w swojej skórze; chodzić jak w nie swojej skórze; wejść, wleźć w czyjś skórę; wejść w nową (inną) skórę; zaszyć się w psią skórę* (= струсить);

oblec inną skórę; zmienić skórę; zrzucić dawną skórę; wychodzić, wylazić, wyskoczyć ze skóry; ktoś mało co (omal) ze skóry nie wyskoczy; zrzucać (zmieniać) skórę w razie potrzeby; – венг. új bőrbé bújt (буквально: войти в чью-то кожу); kifordította a bőrét (буквально: перевернуть кожу на другую сторону = перейти на другую веру), kiugrik a bőrből, majd kiugrik, kibújik a bőrből (буквально: выпрыгнуть из кожи);

(3) означают что-то очень важное, существенное для человека, от чего может зависеть его жизнь, что не может быть предметом сделки, о чём надо заботиться, чего нельзя легкомысленно подвергать опасности (напр. *ratować swoją własną skórę; bać się, obawiać się, dbać, drżeć, troszczyć się o własną skórę; wynieść cało skórę; ocalić skórę; bronić, pilnować swej, własnej skóry; płacić skórą; skóra kogoś swędzi, świerzbi; czuli, że to idzie o ich skórę; nastawiać swojej (własnej) skóry; narażać skórę (венг. félti a bőrét; menti a bőrét; nem viszi a bőrét a vásárra (буквально: не несёт своей кожи на базар); minden ember a maga (saját) bőrét viszi a vásárra (буквально: каждый человек несёт свою собственную кожу на базар = рисковать жизнью); védi a bőrét (буквально: защищает свою кожу = т.е. жизнь); vigyáz a bőrére (буквально: беречь свою кожу = т.е. жизнь); bőrre megy a dolog (буквально: дело касается кожи = расплатиться за что-то, понести наказание); bőrünkől van szó (буквально: речь идет о нашей коже = рисковать жизнью); más bőrén takarékoskodik (буквально: экономить на чьей-то коже = действовать во вред других);*

(4) могут выражать отрицательную оценку в случае таких выражений, в которых проявляются противопоставленные стереотопы животных (напр. венг. *farkas* = польск. *wilk* (= волк) или венг. *bárány* (= ягненок) и польск. *baran* (= баран), а также приписанная человеческой коже не типичная для неё черта «толщины» или сравнение ее с кожей некоторых животных (напр. *być wilkiem w skórze barana* (венг. *bárány bőrbé bújt farkas*); *wilk w owczej skórze, w skórze baranka, jagnięcia; ktoś jest gruboskórny; gruboskórny typ* (венг. *valaki vastag bőrű, vastag bőr van az arcán (pofáján)* (буквально: у кого-то на лице (морде) толстая кожа); *olyan bőre van mint rinocerosznak* (буквально: у кого-то такая кожа как у носорога); *ragyás a bőre mint a varangyos békának* (буквально: у кого-то на лице такая кожа (с пятнышками, пороками) как у жабы (т.е. некрасивое лицо);

(5) их денотаты могут быть идентифицированы с носителем информации (информационным каналом) (напр. *czuć, przeczuwać coś (kogoś) przez skórę; doświadczać, nauczyć się czegoś, poznać, wypróbować coś na własnej skórze* (венг. *saját bőrén érzi, a bőrén érzi, saját bőrén tapasztal valamt*);

(6) относясь к коже животного, которая стала предметом сделки, прежде чем она нашлась во владении человека, могут быть сигналами нереальных планов (напр. в венг. медведь, в польск. медведь и баран (овца): *jeszcze skóra na baranie, a już kuśnierz pije na nią; dzielić skórę na niedźwiedziu; jeszcze niedźwiedź w lesie, a już skórę targują* (венг. *előre iszik a medve bőrére* (буквально: заранее пить за медвежью кожу);

(7) *nomina actionis*, связанные с обдиранием шкуры и ее выделкой, относятся к человеку, означают наказание или явление материальной эксплуатации (напр. *wyłoić, złoić, wygarbować, przetrzepać, wytrześć komuś skórę; obdzierać ze skóry; zdzierać skórę pasami; drzeć, zdzierać z kogoś skórę* (венг. *kicszerzik a bőrét; lehúzza, lenyúzza, leveri a bőrt valakiről; az ember bőre alul is kiszedi a pénz* (буквально: вынимать деньги даже из-под кожи кого-то); *bőrből is kivetkőzteté az embert* (= польск. *ogłocić kogoś nawet ze skóry*) (буквально: лишить кого-то

даже кожи); *holt embernek a bőré is le akarta húzatni* (буквально: хотел снять кожу даже с трупа);

(8) человеческая кожа в сравнении с гусиной кожей обнаруживает состояние взволнованности, испуга, страха (напр. *gęsia skóra* (венг. *lúdbőr* (*libabőr*)). Польское выражение *zajęcza skórka* обозначает трусливость.

В обоих языках существует довольно много фразеологизмов и пословиц, которые характерны только для одного из них, т.е. не имеют эквивалентов в другом языке (напр. *polskie*: *zalać komuś sadła za skórę*; *zaleźć komuś za (10-tą) skórę*; *ciarki, mrowie, mrówki chodzą, idą, przechodzą, przebiegają po skórze (przez skórę)*; *skóra (na kimś, komuś) cierpnie*; *nie staje skóra za wyprawę*; *jeszcze skóra na baranie, a już kuśnierz pije na nią*; *niewarta skóra wyprawy*; *modli się pod figurą, a diabła ma za skórą*; *suszyć komuś skórę*; *nie spisać, nie spisałby czegoś na wołowej skórze*; *jaki wół, taka skóra*; *znać człowieka po skórze*; *głaszcz ty kotowi skórę, a on ogon w górę* oraz *węgierskie*: *van bőr az arcán* (буквально: иметь кожу на лице = быть нахальным); *lesül, leég a bőr az arcáról, a kékéről, a pofájáról* (буквально: у кого-то пригорела, сгорела кожа на лице, на морде = сгореть со стыда); *nem fér (nem nyughat) a bőrében* (буквально: не поместится (не может успокоиться) в своей коже); *kiterítették a bőré* (буквально: распростереть чью-то кожу = умереть, гроб с мертвым телом, выставленный на катафалке); *bőrével fizet* (буквально: платить собственной кожей = т.е. жизнью); *annyit ehet, ihat, dolgozhat, amennyi a bőre alá fér* (буквально: может столько есть, пить и работать, сколько может поместиться под его кожей); *még a bőre alatt is pénz van* (буквально: кто-то даже под кожей имеет деньги = у кого-то много денег); *húzza a lóbőrt* (буквально: драть лошадиную кожу = храпеть во сне (согласно легенде, когда дерут шкуру с лошади, тогда этот процесс сопровождают звуки, характерные для храпения); *húzza a bőrt (a fagyon)* (буквально: дерёт шкуру (кожу) (во время холода) = крепко спать, храпеть во сне); *nem győzi a bőrével a hasát* (буквально: не хватает кожи на животе = полнеть, толстеть); *a bőr hűljön rád!* (буквально: пусть застынет на тебе кожа! = подохни!); *Oh szégyen, ne mard le képemről a bőrt* (Петефи) (буквально: как стыдно, не сдирай (не сцарапывай) кожи с моего образа (= моего лица) = не заставляй меня стыдиться); *rókabőr* (буквально: лисья шкура = встреча подлецов, негодяев); *rókabőrt tereget* (буквально: расстилать лисью шкуру = рвать, кого-то рвёт) и т.д.

По нашему мнению, целью контрастивного анализа должно быть описание характерных для разных языков способов концептуализации и категоризации мира. Языковая картина мира — это не только сеть грамматических и семантических категорий, но также и аксиологическая система языка вместе с образцами поведения и др. В языке фиксируется человеческое мышление о мире. Данное название указывает на содержание, которое зафиксировано под этим символом в когнитивных структурах носителей данного языка. Контрастивный анализ, сосредото-

точивая свое внимание прежде всего на различия, должен показать, в какой мере дифференцированы разноязычные картины мира, в каких случаях выступает полная или частичная заменимость и в каких ее нет.

Литература

- A magyar nyelv értelmező szótára. Akadémiai Kiadó. Budapest 1984.
- BAŃCZEROWSKI J., A nyelv és a nyelvi kommunikáció alapkérdései (ред. Nyomárkay István). Eötvös Loránd Tudományegyetem, Szláv és Balti Filológiai Intézet. Lengyel Filológiai Tan-szék. Budapest 2000.
- BAŃCZEROWSKI J., A valóság nyelvi kategorizálásáról (Adalék a nyelvi szemantika elemzéséhez): Magyar Nyelvőr (= Nyr). Budapest 1996/1.
- BAŃCZEROWSKI J., Az országismeret nyelvi vonatkozásainak egyes elméleti kérdései a lengyel és a magyar nyelv anyaga alapján. Magyar–lengyel közelítések (ред. István D. Molnár). Debrecen–Budapest 1985: 99–110.
- BARTMIŃSKI J., Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. In: M. Basaj, D. Rytel (ред.), Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. Wrocław. 1985. t. III. Bartmiński J., (ред.) Językowy obraz świata. Lublin 1990.
- GRZEGORCZYKOWA R., Perspektywy badań porównawczych w zakresie semantyki leksykalnej (Zadania i trudności). Z polskich studiów slawistycznych. Seria VIII. Warszawa 1992.
- HADROVICS László, Magyar frazeológia. Akadémiai Kiadó. Budapest 1995.
- KOLBERG O., Przysłowia. Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza. Warszawa 1977.
- KORZYBSKI A., General Semantics. Chicago 1949.
- MOSIOŁEK-KŁOSIŃSKA K., Językowa konceptualizacja rzeczywistości. In: Przegląd Humanistyczny. 1995/3.
- MOSIOŁEK-KŁOSIŃSKA K., Dzieje koncepcji języka jako formy ujmowania świata. In: Poradnik Językowy. Nr 4.
- NAGÓRKO A., Z problemów semantyki kontrastywnej. Z polskich studiów slawistycznych. Seria VIII. Warszawa 1992.
- Nowa księga przysłów polskich (гл. ред. Julian Krzyżanowski). Państwowy Instytut Wydawniczy. Warszawa 1969–1978.
- NYOMÁRKAY I., A világ nyelvi képe az idegen szavak tükrében egy horvát drámában és magyar fordításában: Nyr 2000/4.
- O. NAGY Gábor, Magyar szólások és közmondások. Gondolat. Budapest. 1982.
- O. NAGY Gábor, RUZSICZKY Éva, Magyar szinonimaszótár. Akadémiai Kiadó. Budapest. 1989.
- TOKARSKI R., Składnikowa analiza znaczenia. Przegląd problemów. In: Przegląd Humanistyczny. 7/1983: 95–109.
- Új magyar tájszótár. Akadémiai Kiadó. Budapest 1988.
- WEISGERBER L., Vom Weltbild der deutschen Sprache. 2 Halbbände. Düsseldorf 1953/54.